

СПРИБЛИЖЕНИЕМ знаменательной даты 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, невольно думается: когда уйдут из жизни люди моего поколения — живые очевидцы тех героических лет, все эти события останутся только в учебниках, книгах и кинофильмах...

А в моей памяти живы еще имена людей, с которыми мне пришлось работать бок о бок в годы гражданской войны. Оживает в памяти ряд событий, о которых хочется поведать нашей молодежи.

1917 год... Я была тогда директором небольшой группы актеров в городском театре г. Балаково на Волге. Маленький городок, именитое купечество, хлебные ссыпки, несколько заводов, принадлежащих богачам Маминим и Беляковым. В городе власть была в руках меньшевиков, эсеров — раскаты Октябрьского переворота воспринимались здесь с неприкрытой ненавистью и враждебностью... На заводах начались забастовки; рабочие и их семьи голодали, но не сдавались, не шли на уступки хозяевам, ожидая, что вот-вот придет долгожданная власть...

Однажды ко мне в театр явился председатель профессионального союза металлистов и обратился с просьбой:

— Помогите действуя рабочим, дайте в их пользу один спектакль, у союза не хватает средств оказать материальную помощь многочисленным голодающим семьям.

Мне удалось убедить товарищей. И вот была выпущена афиша о постановке спектакля в пользу бастующих рабочих. К сожалению, афиша у меня не сохранилась, не осталось в памяти и названия пьесы. Спектакль был поставлен при переполненном театре. Весь сбор вручили председателю правления союза металлистов тов. Сечко.

На мое имя пришла письменная благодарность от правления союза за оказанную помощь. Эту бумагу, датированную 23 ноября 1917 года, я до сих пор храню.

Вскоре после этого пришлось обосноваться в г. Бузулуке Самарской губернии. Надо было ехать на сезон в Оренбург. Но в Бузулуке выяснилось, что с одной стороны наступают чехи, с другой — белогвардейцы и казачество; сообщение перерезано, кругом идут бои. В Бузулуке, очень маленьком степном городишке с деревянными домиками и узкими улицами, почти полтора месяца находились части легендарного Чапаева. Они занимали несколько домов напротив того дома, где я снимала комнату у частных хозяев. Каждый день можно было видеть, как из ворот выезжали конные чапаевцы, а вечерами они стояли на улице и мирно перебрасывались шутками с местными девицами.

Не помню точно даты, но однажды ночью они покинули Бузулук.

А вскоре и мы уехали в Казань. По работав здесь несколько месяцев в Зареченском дворце культуры, я с мужем устроилась на работу в передвижной культпросвет по формированию и обслуживанию интернациональных частей Красной Армии, организованный Реввоенсоветом республики. По пути из Москвы поезд остановился в Казани для доформирования концертной бригады.

Состав бригады был очень «интернациональный» — человек пять русских артистов, скрипачи и солисты Венской консерватории, венгерский певец, чех, поляк и оркестр венгерских цыган. При поезде находился состав конвойных. в

В длинном, плохо натопленном бараке на скамейках уже разместились зрители. Заросшие худые лица, изо рта валит пар, озябшие руки засунуты глубоко в рукава, но глаза полны радостного ожидания... Митинг идет на разных языках: венгерском, мадьярском, чешском. А затем в этом морозном помещении на составленных, изображающих «сцену», столах идет концерт.

Нельзя было без волнения смотреть, как эти мужчины при звуках родной речи и любимой национальной песни, исполняемой певцом или скрипачом, плакали, словно дети, слезами восторга. А какие шумные овации, какие горячие благодарности сопровождали нас после каждого концерта!

Не помню, в каком встречном городе

действие. И вдруг в тишине зала раздались быстрые шаги и громкая команда:

— ЧОН! По коням! — Зал мгновенно опустел... Мои артисты, пробежав мимо меня и на ходу стирая грим, говорили: — Товарищ Верестовская, вернемся, доиграем... Нет, не доиграли спектакля. Двое погибли под пулями напавших на город бандитов... Несколько часов шла перестрелка...

Они получали паек: вяленую верблюжатину или солонину, кукурузный хлеб, немного махорки, ячменный кофе и очень немного сахара. Они не знали ни крепдешиновых платьев, ни туфель «на гвоздиках», для них еще не строили мраморных дворцов... Но они имели бесценное сокровище: чистые души и отважные сердца...

шлое более или менее подходящей исполнительницы; остальные роли распределили между членами коллектива.

В одно утро несколько ЧОНовцев (из частей особого назначения) и красноармейцев батальона на двух тачанках с пулеметами, конвоируемые конными, хорошо вооруженными бойцами, отправились в ближний лес, в котором в изобилии цвела дикая сирень и расцветал наприфолум. В лесу могли наткнуться на группу скрывавшихся там махновцев или «зеленых». Ожидая возвращения «экспедиции», мы все порядком понервничали. Но, к счастью, все обошлось благополучно. И когда открылся занавес и глазам публики предстал подлинный, благоухающий зеленый лес, освещенный голубоватым светом прожекторов, весь зал разразился рукоплесканиями.

Я, профессиональная актриса, не раз игравшая роль феи Раутанделейн с крупными актерами провинциальных театров, испытала чувство глубокого творческого подъема от игры своего партнера-любителя, исполнявшего роль Генриха. Он был поистине талантлив! Хороши были и другие исполнители.

Вспоминается еще встреча с Надеждой Константиновной Крупской. Это было в 1929 или 1930 году. Я поехала в Москву на съезд работников искусства. В перерыве, быстро спускаясь по лестнице, встретила идущую, не спеша, наверх пожилую женщину в черном строгом платье, с седыми, гладко причесанными волосами, в очках. Уже пробежав несколько ступенек вниз, я вдруг остановилась, буквально задохнувшись от волнения. Это была Надежда Константиновна Крупская. Я быстро догнала ее, окликнув, взволнованно просила разрешения пожать ее руку, назвавшись делегаткой из Казани. Она приветливо улыбаясь, протянула мне руку. Но разговорить не удалось, так как распахнулась дверь и вышедшая оттуда группа молодых женщин окружила Крупскую и стала оживленно беседовать с нею.

Перечитав сохранившиеся у меня документы о работе в те великие — 1917-й — 1919-й годы, я вновь как бы оживила в своей памяти целый ряд событий. Вспомнила людей, с которыми работала, переживала трудности и творческие радости. В те годы я сама как бы морально закалилась, приобрела политическую зрелость. И это во многом помогло мне за все время моей большой трудовой жизни.

Т. ВЕРЕСТОВСКАЯ.

К 50-летию Советской власти

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

основном из венгров и мадьяр. 15 января 1920 года поезд двинулся по направлению к Челябинску.

Стояла очень суровая зима — морозы, пурга, снежные заносы. Поезд останавливался на какой-нибудь станции или полустанке. Если это было днем, широко раздвигались дверцы пульмановского вагона и на помосте оркестр играл «Интернационал». Начинался митинг. Выступавшие ораторы говорили, в основном по-русски, а затем здесь же, в вагоне, давали небольшой концерт. Собирались слушатели — железнодорожники с семьями, жители ближайших поселков и станций. Не страшно мороза, внимательно слушали, горячо благодарили. Случалось, в небольшой толпе встретишь горящие неприкрытой злобой глаза закутанного в полупухоб бородача...

Поезд идет дальше. Остановка. Команда: приготовиться к выходу! И вот в вечернюю морозную мглу, под завывание метели, концертная бригада и лекторы собираются на обслуживание близлежащего барака с бывшими военнопленными.

Мы идем по плохо проложенной дороге, занесенной снегом, нас окружают наши конвойные с наганом и винтовками на взводе... Где-то в темном небе полыхает зарево пожара, где-то далеко татахают пулеметы... Можно было ожидать всяких нежелательных встреч в этой местности, только что покинутой бандами Колчака.

это было... За нами прислали к вечеру несколько саней-розвальней, чтобы перебросить концертную бригаду в госпиталь для выздоравливающих от сыпного тифа бойцов Красной Армии. Ехали недолго — вот и госпиталь. Наши сани въезжают в широко раскрытые ворота, медленно двигаются по расчищенной дороге. И я замечаю справа у забора высокий и широкий, как мне показалось, штабель дров... Но, подъехав ближе, с ужасом увидели: это не дрова, а обнаженные трупы, это умершие от сыпняка... Их ночью увозят за город, взрывают промерзлую землю и хоронят в неглубокой братской могиле. А где-то матери, жены, невесты ждали возвращения дорогих сердцу людей, неизвестных бойцов, отдавших свои жизни за Родину и нашедших покой в мерзлой земле Сибири...

Ставрополь стоит на горе, и в то время был окружен густыми лесами, вплотную подходившими к городу. И в этих лесах хоронились остатки банд «бабки Махно», Маруськи-атаманши, «зеленые» — дезертиры бывшей царской армии. Они грабили окраины, нередко устраивали налеты на город. Вдруг среди бела дня где-то на улицах поднималась ружейная перестрелка, в панике закрывались на базаре ларьки и лавчонки, в госпиталь вели раненых.

Помнится такой случай. Шел какой-то многоактный спектакль. Огромный зал по обыкновению был переполнен зрителями. Только что началось второе

Мы ставили пьесы из военной жизни, ставили пьесы Островского, например, «Женитьба Бальзаминова» и другие.

Декорации были очень примитивны, но обстановка, костюмы для артистов нам предоставлялись из складов ЧК. Когда я впервые попала в этот склад для отбора костюмов на спектакль, у меня буквально разбежались глаза. Там хранились реквизированные у бежавших к белым буржуев и купечества вещи. Мне показали несметной цены венецианские зеркала, отобранные в особняке А. М. Алафузовой, матери Алафузова — бывшего заводоуправляющего. Ковры, атласная мебель, шелка, лионский бархат, брюссельские кружева. И вся эта роскошь безотказно, щедро, по записке военкома предоставлялась в пользование драм-кружка.

И разодетые в эти богатые костюмы, не привыкшие их носить, мои артисты не были ни смешны, ни нелепы. Они покоряли своей талантливостью, своей искренностью и непосредственностью.

При выборе дальнейшего репертуара я остановилась на пьесе-сказке Гаупмана «Потонувший колокол». Эта пьеса в то время не сходилась со сцены провинциальных театров и пользовалась успехом у публики. Я понимала всю сложность спектакля: оформление, текст в стихотворной форме, сложные роли. Но... захотелось дерзнуть! Главную женскую роль — фею Раутанделейн мне пришлось взять на себя, так как не на-

Сов. Татария, 1966, 5 окт.